

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ: ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Л. ШЕМЯКИНА

© 2018 г. А.А. Силкин

*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com*

Заметка посвящена научному пути А.Л. Шемякина, его вкладу в изучение сербской истории последней трети XIX — начала XX в.

The essay outlines the academic career of Andrey L. Shemyakin, sums up his contribution to the study of the Serbian history of the late nineteenth — first decades of the twentieth century.

Ключевые слова: история Сербии, Народная радикальная партия, Никола Пашич, политическая культура, Первая мировая война.

Keywords: history of Serbia, Popular Radical Party, Nikola Pašić, political culture, World War One.

DOI: 10.31857/S0869544X0000855-3

8 марта 2018 г. умер наш друг, учитель, коллега... Последнее, что он успел сдать в печать, — некролог белградскому профессору Джордже Станковичу. Работая над ним, Андрей Леонидович сетовал, что непросто в одном тексте совместить описание жизненного пути и личных черт старшего товарища с оценкой его научных достижений. Как удалось выйти из затруднения, мы узнаем, когда появится следующий номер «Славянского альманаха». Ну, а мы оказались в том же положении. Можно ли объяснить, каким был А.Л. Шемякин? У тех, кто с ним общался, в памяти останется его яркий образ. У каждого свой. А тем, кто его не знал, в двух словах не расскажешь. Главное, что талант ученого сочетался в нем с не менее выдающимися человеческими качествами. В чем причина такой гармонии? Наверное, имели значение основные события его биографии — где родился, как рос, когда призвали на военную службу и т.д. Не зря он так любил вспоминать о своей малой родине, об армии, студенческих годах, о том, как впервые оказался в Сербии, как пришел в Институт славяноведения.

Андрей Шемякин родился 1 мая 1960 г. в Туле в семье инженеров-оружейников Анны Сергеевны и Леонида Андреевича. После окончания в 1977 г. школы около года проработал в Государственном архиве Тульской

области. В ноябре 1978 г. молодой архивист оказался в армии, где его владение литературным языком, наверное, впервые было оценено по достоинству. Не один офицер, рассчитывавший на продвижение по службе, поставил свою подпись под текстами, написанными рядовым, а к концу «срочной» старшиной Шемякиным. Не исключено, что «легкое перо» спасло ему жизнь. Романтично настроенный Андрей Леонидович подал прошение о переводе в Афганистан, которому «отцы-командиры» не дали хода. По-видимому, не хотели лишаться столь полезного бойца. Российское славяноведение должно быть им за это благодарно.

В ноябре 1980 г. А.Л. Шемякин поступил на подготовительное отделение исторического факультета МГУ, а в сентябре 1981 г. стал студентом первого курса. В июне 1986 г. окончил истфак и в ноябре поступил в аспирантуру при кафедре истории южных и западных славян. К окончанию аспирантуры трижды съездил на стажировку в Югославию, проведя там в совокупности около года. Результатом стала не только закладка источникового и литературного фундамента будущих научных изысканий, но и блестящее знание сербского языка, на котором А.Л. Шемякин говорил и писал (sic!) лучше не только всех отечественных историков-сербистов и югославистов, но и многих белградских коллег.

После окончания аспирантуры — в декабре 1989 г. — принят на должность младшего научного сотрудника Института славяноведения. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию «Образование Радикальной партии в Сербии в 1881—1883 годах», написанную под руководством профессора В.Г. Карасева. В 1998 г. в Инславе защитил в качестве докторской диссертации монографию «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868—1891)». (М., 1998). Тогда же А.Л. Шемякин возглавил Отдел истории славянских народов периода мировых войн. На должности заведующего он сменил Р.П. Гришину, которая сыграла в его научной карьере далеко не последнюю роль. Осмелюсь предположить, что сотрудничество с Риттой Петровной для Андрея Леонидовича имело то же значение, что и знакомство с ним для его собственных учеников. Для них, знаю по своему опыту, самым страшным сном было разочаровать ожидания наставника. Сам он с тем же пиететом относился к мнению только двух человек — Ритты Петровны и сербского историка Латинки Перович.

В конце 2004 г. А.Л. Шемякин принял предложение К.В. Никифорова и стал его заместителем в дирекции института. Однако, по собственному признанию Андрея Леонидовича, административные обязанности тяготили его. Как будто чувствовал, что времени у него оставалось немного... Поэтому в 2009 г. он вернулся в свой отдел, в котором в качестве ведущего, а затем и главного научного сотрудника работал вплоть до кончины.

За годы работы в институте А.Л. Шемякин опубликовал около 200 работ, в которых рассмотрены несколько широких проблем: государственно-политическое и социокультурное развитие Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. — начале XX в.; официально-дипломатический и общественный аспекты русско-сербских отношений того же времени; роль Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношения сербов с остальными югославянскими народами и процесс образования Югославии.

Центральное место в шемякинской библиографии занимает Никола Пашич, которому посвящены две монографии: «Радикальное движение в

Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993) и «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)» (М., 1998). Вторая из них в 2008 г. опубликована на сербском языке в Белграде. Отношение Андрея Леонидовича к своему главному герою этапно с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их биографии и индивидуальные качества очень редко могут считаться проблемой, заслуживающей монографического исследования. Понимая это, А.Л. Шемякин преподнес лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в приведенном заголовке книги имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, т.е. в связи с его идеологией, которая, по словам автора, «не просто мировоззрение отдельно взятого политика», а «индикатор целой общественной тенденции». Или, другими словами, «реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи» [1. С. 12].

Разумеется, написанное о Пашиче носит отпечаток личного отношения Андрея Леонидовича к «Николаю Петровичу». Тот именуется «прирожденным организатором и блестящим партийным лидером», обладающим «мощной харизмой» [1. С. 344, 341]. А дабы «очертить точный “калибр”» вождя радикалов, А.Л. Шемякин привел оценку Д. Станковича: «Как историческая личность он представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографии развитых стран». [2. С. 138] Таким образом, коллегам Андрея Леонидовича трудно было не заметить, что и сам он в известной мере подпал под обаяние «мощной харизмы» своего персонажа.

В программе Н. Пашича 30–40-летний историк обнаружил ответы на вопросы, которые волновали его в связи актуальной действительностью. В описании противостояния радикалов с их противниками — напредняками — сложно не усмотреть аналогии с той дилеммой, перед которой, по мнению многих, в том числе и А.Л. Шемякина, стояла Россия в начале 1990-х годов: «В то время, как одни тянули в Европу, к гражданскому обществу и либеральным порядкам, ломая все на своем пути; другие тяготели к традиции, ценностям “славянской цивилизации”, стремясь напрочь отгородиться от проникновения “эгоистичной западной культуры”» [1. С. 208]. Нетрудно догадаться, на чьей стороне был Андрей Леонидович.

Подчеркну, отношение к Н. Пашичу не оставалось статичным. Оно развивалось по мере того, как более глубокими и разносторонними становились представления Андрея Леонидовича о социальном контексте, в котором существовали его герои. В середине 1990-х годов А.Л. Шемякин утверждал: «Они боролись за власть, [...] чтобы проводить политику в интересах большинства народа и обеспечить его защиту от эксплуатации немногих» [1. С. 34]. С течением времени оценки радикалов становились все более сдержанными. В поздних работах акцент делался не на различиях между «традиционалистами» и «западниками», а на том факте, что и тех, и других характеризовало «стремление к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство» [3. С. 608]. В 2015 г. Андрей Леонидович констатировал, что радикальная партия, как и «каждая партия» (sic!), «грешила» тем, что «всерьез отождествляла себя со всем сербским народом [...] воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь к

другим не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам» [3. С. 561]. Радикалы и их оппоненты политику «воспринимали не как способ “рационализации конфликта”, но как войну всех против всех» [3. С. 561]. Таковы проявления «авторитарной политической культуры» — одной из «универсальных характеристик сербского традиционного общества». Именно их А.Л. Шемякин называл «главным предметом своего научного поиска».

Развитию сербского социума в 1878–1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Ленидовича — те, что вышли в рамках проекта «Человек на Балканах». Семь сборников статей и одна коллективная монография стали плодом сотрудничества с Р.П. Гришиной, с которой А.Л. Шемякина объединяло понимание, что «политическое поведение» балканских народов обусловлено их социо/этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За десятилетие с лишним, что длился проект (2002–2016), вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в «изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах»; выявлении «характерных проявлений ментальности “балканского человека”», а также «исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью» [4. С. 395, 400]. Решение перечисленных задач достигалось, по словам А.Л. Шемякина, посредством «нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария», а именно — путем «привлечения данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии» [4. С. 394].

В последнем, восьмом выпуске серии, вышедшем после смерти Риты Петровны, ее «напарник» писал о научном значении «Человека на Балканах», которое виделось ему в «ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)» и «освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений». Главное же, по словам А.Л. Шемякина, что завершившийся проект «дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории» [4. С. 402]. Полагаю, что все перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и, одновременно, мотивацию самого Андрея Леонидовича как ученого.

Показательно, что и тема его докторской диссертации «Идеология Николы Пашича» — вызов расхожему, сформировавшемуся еще в межвоенное время представлению, будто глава радикалов был исключительно политиком-практиком. Будучи лишенным идейного багажа, он, якобы, поэтому не оставил после себя сколь-нибудь значимых «письменных следов». «Что ж, за подобными утверждениями легче скрыть недостаток архивных изысканий», — А.Л. Шемякин бросает перчатку к ногам своих оппонентов, которым он противопоставил источниковую и фактологическую фундированность собственных аргументов [1. С. 11].

Полемику о мнимой безыдейности Н. Пашича можно считать прологом к «дебатам о сути радикализма» в Сербии, которые в свою очередь «органично вплетаются в другой и более принципиальный спор [...] — по вопросу интерпретации Новой истории страны, в целом» [5. С. 163]. Возражал Андрей Леонидович той «части историков», которые в силу своей неофитской «европейскости» или прозападной политической ориентации преподносят Сербию второй половины XIX в. — начала XX в. «современным европейским государством». Так характеризовать ее им позволяет простое наличие в ней либеральных государственных институтов — парламента, политических партий и конституции. По мнению этих приверженцев «формально-институционального» подхода, «Сербия с момента своего основания была восприимчива к западным концепциям либерализма, парламентаризма и демократии, а образованная в западных университетах политическая элита полностью приняла западную модель развития и модернизации». Последнее относится к Радикальной партии, которая, якобы, «принадлежала к великой семье европейского радикализма», а ее идейные корни «восходили к европейской (прежде всего — французской) политической традиции» [5. С. 143].

Опровержение этого утверждения в работах Андрея Леонидовича — иллюстрация того, сколь знание архивных материалов и соответствующей литературы эффективно в преодолении умозрительных построений и мифов, для создания и воспроизведения которых, как известно, не требуются ни факты, ни источники [5. С. 151–153]. «Идеи народнического социализма являлись сущностным компонентом общественной философии Пашича» [1. С. 360], — читателю монографии Андрея Леонидовича не составит труда убедиться в непоколебимой аргументированности данного тезиса. Ту же позицию разделяют и единомышленники А.Л. Шемякина из числа сербских историков — Л. Перович, Ольга Попович-Обрадович и Дубравка Стоянович: «Идеология Сербской радикальной партии — это народническая идеология, поскольку ее социальный стержень — эгалитаризм» [5. С. 146].

Что касается «аутентичной парламентской демократии», якобы сформировавшейся в Сербии к началу Первой мировой войны, то даже беглого взгляда на характер политической жизни и нравы ее колоритных участников достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности этого мифа. Андрей Леонидович же в индивидуальных работах, а также вместе с коллегами по упомянутому проекту предпринял основательную «реконструкцию политических и социокультурных реалий на Балканах». Она показала, что «принятие конституций, введение парламентских и других “европейских” институтов и процедур составляло лишь фасад, который пристало иметь независимому государству, но за которым скрывались — будучи доминирующими в политической культуре — весьма патриархальные (недемократические и авторитарные) навыки и подходы». Именно они определяли поведение элит и всего общества в целом. Его приверженность «антииндивидуалистическим ценностям», — А.Л. Шемякин цитировал Д. Стоянович, — сближала его «с коллективистскими и эгалитаристскими [...] политическими проектами куда больше, чем с институционализированной парламентской монархией» [5. С. 164].

Спор о характере сербской государственности имел отношение к основной сфере научных интересов Андрея Леонидовича и потому красной линией

проходил через все его творчество. Не уклонялся он от полемики, и когда та или иная «контроверза» затрагивала условно второстепенные темы, его интересовавшие. Например, ему регулярно приходилось «ставить на место» некоторых современных авторов, в работах которых проявлялось присущее сербской публицистике и отчасти историографии обыкновение безосновательно возлагать на Россию ответственность за те или иные трагические эпизоды сербской истории XIX — начала XX в. В написанных А.Л. Шемякиным главах «Истории Югославии в XX в.» (М., 2011) значительное место уделяется разоблачению голословного утверждения о причастности России и ее представителей к организации майского переворота 1903 г., положившего конец правлению Обреновичей в Сербии [6. С. 19–22]. В 2018 г. в Белграде должна выйти одна из его статей, в которой опровергаются домыслы о финансировании Петербургом в 1880-е годы заговора радикалов, ставивших целью свержение злосчастной династии. «Появление таких версий связано с крайне слабым знанием их авторами русских исторических материалов», — Андрей Леонидович не знал жалости, вынося «приговор» некомпетентности коллег [7].

Анализируя роль Сербии в Первой мировой войне, А.Л. Шемякин не мог не отреагировать на утверждения некоторых российских коллег, будто официальный Белград после успешных Балканских войн (или даже еще раньше — в 1903 г.) определился с тем, что его стратегической целью и актуальной национально-политической задачей является объединение с другими югославянскими народами в результате разрушения монархии Габсбургов. Для ее достижения следовало «стравить» Вену и Петербург, который к 1914 г. якобы стал заложником устремлений своего агрессивно настроенного балканского союзника [8. С. 14]. Подобные «сомнительные тезисы», в подтверждение которых «уважаемые коллеги не привели ни одного (!) источника», А.Л. Шемякин рассматривал в контексте международных попыток пересмотра причин Первой мировой войны и установления ее «подлинных виновников» в лице России и Сербии: «В последние полтора десятка лет такая тенденция, возникшая на Западе в 20–30-е гг., только усилилась — в тесной связи с балканскими событиями конца XX в.» [8. С. 12].

Предчувствуя очередное обострение тенденции в преддверии столетней годовщины начала Первой мировой войны, Андрей Леонидович подготовил к печати «Балканские воспоминания» первого секретаря российской миссии в Сербии в 1911–1915 гг. В.Н. Штрандтмана — «аутентичное подспорье в интеллектуальной дуэли с очередными носителями идеи “ревизии истории”». Мемуары, опубликованные в 2014 г., стали дополнительным аргументом в арсенале А.Л. Шемякина, который в ряде работ убедительно доказал — после Балканских войн сербское правительство и двор не были заинтересованы в конфликте с Австро-Венгрией и всячески старались его избежать.

Много времени и усилий Андрей Леонидович посвятил «следующему» по хронологии сюжету — роли Сербии в процессе создания Югославии. Ее анализ выявил несостоятельность двух противоположных позиций, которые можно встретить в хорватских и сербских работах. Согласно первой, сербские правящие круги, прикрываясь лозунгом югославизма, на самом деле, на протяжении войны двулично преследовали сугубо «великосербские» цели, действуя за спиной у партнеров из Югославянского комитета. Приверженцы второй утверждают, что официальная Сербия, провозгласив в конце 1914 г.

целью «объединение с несвободными братьями — сербами, хорватами и словенцами», неуклонно и последовательно следовала только этой линии. Подтверждение тому — Корфская декларация, подписанная летом 1917 г. представителями сербского правительства и Югославянского комитета.

В отличие от двух приведенных точек зрения шемякинская трактовка политики Сербии в ходе Великой войны не была обусловлена ложным морализаторским подходом, в рамках которого исторические персоны оцениваются по шкале «народный — антинародный», «прогрессивный — реакционный» и т.п. По мнению Андрея Леонидовича, при определении политического курса сербский истеблишмент руководствовался не теорией народного единства югославян, а представлениями о реалистичности, практической целесообразности и собственной ответственности перед соотечественниками/избирателями. Поэтому ни до, ни после начала войны объединение с хорватами и словенцами не было единственной или приоритетной целью официального Белграда. Да и не могло быть, ведь до осени 1918 г. судьба Австро-Венгрии оставалась неизвестной. До этого сербское правительство (как и югославяне-эмигранты) озвучивали югославистские лозунги, в первую очередь, с целью решения тактических задач: дестабилизации тыла многонациональной империи Габсбургов; оказания давления на союзников, требовавших от Сербии уступок в пользу Болгарии; увеличения собственного веса на международной арене после Февральской революции и фактического исчезновения главного союзника в лице России и т.д. «Стремясь при любом “раскладе” обеспечить прежде всего интересы Сербии и сербского народа, он (Н. Пашич — А.С.) в зависимости от изменений международной обстановки колебался от “великосербства” до “югославизма”» [9. С. 202]. Окончательный выбор в пользу последнего состоялся, только когда стало окончательно известно, что Австро-Венгрия развалится, и победа будет полной.

Следует оговориться, вышеприведенные примеры участия А.Л. Шемякина в полемике по тому или иному вопросу не значат, что он нарочно искал повода «скрестить шпаги» с кем-нибудь. Они — свидетельство того, что приближение к исторической истине неизбежно ведет к столкновению с небрежностью, дилетантизмом или, еще того хуже, политиканством, которые не желают уступать своих прочно удерживаемых в историографии позиций. Удивительно, но избежать «конфликта» Андрею Леонидовичу не удалось, даже когда он занялся проблемой, казалось бы, далекой от политики, — установлением реальной личности, послужившей прототипом Л.Н. Толстому для создания образа Вронского [10]. Не станем вдаваться в детали, в чем состояла причина разногласий. Главное, опубликовав монографию, автор счел, что «научная необходимость требует продолжить дискуссию», что не могут быть проигнорированы «фактические и концептуальные огрехи» его критика. Этому человеку мы обязаны появлением в 2007 г. второго расширенного и дополненного издания «Смерти графа Вронского». Оба варианта книги вышли в Белграде в переводе на сербский язык.

Подчеркну, осознавая свою правоту в споре с оппонентами, А.Л. Шемякин не впадал в самонадеянность или нарциссизм. Как подлинный ученый, он допускал, что не все его работы выдержат испытание временем. Поэтому особое значение Андрей Леонидович придавал публикации ис-

точников, в которых видел непреходящую для историка ценность. Так появились вышеупомянутые мемуары Штрандтмана, до них — переписка Н. Пашича с сербским митрополитом Михаилом [11], третий том документального проекта «Москва — Сербия, Белград — Россия» [12], подготовленный вместе с сербскими коллегами, а также два тома наблюдений путешественников «Русские о Сербии и сербах», охватывающие более полувека — с 1860-х до 1920-х годов. В первый, опубликованный в 2006 г., вошли уже бывшие в печати материалы, а во второй (2014) — документы сугубо архивные, никогда ранее не публиковавшиеся.

В 2006 г. Андрей Леонидович, держа в руках только что вышедшую «антологию», сказал мне, что, по его мнению, только ею он останется в истории науки. Остальные работы, написанные им самим, дескать, забудутся. Как и тогда, позволю себе не согласиться. Во-первых, если что из современного отечественного славяноведения и пригодится потомкам, то это созданное такими авторами, как Шемякин. Во-вторых, не забывал же он сам наследия своих ушедших учителей и старших коллег, не дал забыть опубликованные им записки русских ученых, побывавших в Сербии за сто лет до него. В шемякинской характеристике одного из них — профессора П.А. Кулаковского, можно узнать самого Андрея Леонидовича с его отношением к современной Сербии, которая так много для него значила: «Он не был идеалистом в отношении сербов и не разделял [...] “либерального славянолюбия” [...] С другой стороны, профессиональный славист... Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допущенные элитой: “Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов” [...] Такое равнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны: “Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда [...] России помогает лишь народная вера в нее — вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны”» [13. С. 555].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
2. *Шемякин А.Л.* Никола Пашич: человек, политик, национальный лидер // Листая страницы сербской истории... М., 2014.
3. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства).
4. *Шемякин А.Л.* Post Scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южно-славянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. М., 2016.
5. *Шемякин А.Л.* Идеология сербского радикализма (1881–1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.
6. *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011.
7. *Шемякин А.Л.* Россия, Никола Пашич и режим Милана Обреновича в 1883–1889 гг. (в развитие дискуссии) // Међународни научни скуп “Русија/СССР и државност Србије/Југославије”. Београд, 2017.
8. *Шемякин А.Л.* Василий Николаевич Штрандтман и его «Балканские воспоминания» // Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014.

9. *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011.
10. *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002.
11. Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888). Приредио А. Шемякин. Београд, 2004.
12. Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Москва-Белград, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг.
13. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1912) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства).